

Р. Назиров

Женоподобие шамана и жреца

Предисловие к публикации

Статья «Женоподобие шамана и жреца»¹ соотносится с циклом статей Р. Г. Назирова о фольклоре и мифологии, написанных в 1980-х годах. Собственно, к одной из них — «Священная зола»² — он и отсылает читателя в самом начале. По стилистике и подходам эта статья соотносится также с теми из этих исследований, в которых рождение и развитие фольклорных сюжетов и представлений увязаны с динамикой архаических социокультурных процессов: уже упомянутой «Священной зола», «Наглядная дипломатия и предметное иносказание в фольклоре и литературе», «Вырезка земли» и т. д.

Помимо собственно научного статья представляет немалый биографический и методологический интерес. По ней видна, степень обобщения, которому подвергался фактический материал в творческой мысли Назирова (и заодно — обширность реального фундамента, на которой стоят эти обобщения). Так, в книге «Становление мифов и их историческая жизнь» тема этой статьи занимает немногим более страницы текста в главе «Тотемный брак и мифическая сказка»³, там эта тема — побочная. Однако эта страница базируется на самостоятельной статье общим объемом почти в печатный лист.

Нам уже приходилось, используя сравнения из сферы астрономии, говорить о том, что орбита докторской диссертации Назирова буквально забита сопутствующими текстами разных жанров и форм, тогда как орбита «Становления мифов» почти пуста⁴. Тем ценнее изредка обнаруживаемые на ней новые «спутники».

Статья печатается по рукописи, представляющей собой, судя по всему, далеко не первый, но и не окончательный вариант; машинопись статьи, к сожалению, не найдена. Все пометы, подчеркивания, зачеркивания и выделения принадлежат Р. Г. Назирову.

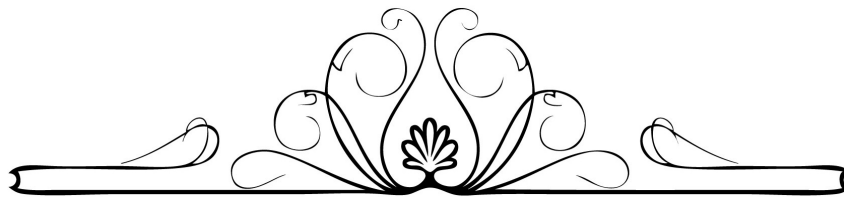
Сергей. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

1 АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-15 — 7а-31

2 Впервые опубликовано в: Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 189—209.

3 Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 32—33.

4 Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118—126.

I.

В «Священной золе» мы пытались показать, как из древнейшего социально-мифологического типа больного и презираемого ребенка, признаками которого были кожные болезни и сидение в золе, путём культурно-жанровой дивергенции произошли могучий колдун (основатель религии), «иронический удачник» (мудрец) и скрывающийся герой (младший сын и сиротка).

В «Священной золе» мы пытались показать, как из древнейшего социально-мифологического типа больного и презираемого ребенка, признаками которого были кожные болезни и сидение в золе, путём культурно-жанровой дивергенции произошли могучий колдун (основатель религии), «иронический удачник» (мудрец) и скрывающийся герой (младший сын и сиротка).

Помощные животные и духи предков — неперенные участники действия в сказка о младших сыновьях и запечниках: на Руси волшебными помощными животными являются обычно конь и щука, в Западной Европе это может быть и кот в сапогах.

Знаменитая сказка Перро начинается классическим зачином — несправедливым разделом наследства. Старший сын мельника получает мельницу, средний — осла, а младший — кота. Но именно кот делает своего хозяин «маркизом де Караба» и королевским зятем. Славянские варианты этого сюжетного типа (АТ 545) сохраняют прямую связь с традицией «священной золы»: вымышленными именами младшего брата, выдаваемого котом за знатного барина, служат «пан Попяловский» (от белорусского «попьял» — пепел) или «пан Копчинский» (от слова «коптить»; ср. польское имя Золушки — *Kopciuszek*).

В подавляющем большинстве аналогичных сказок, например, в АТ 531 («Конёк-горбунок»), волшебный конь имеет самый невзрачный или даже уродливый вид. О его чудесных качествах никто не догадывается.

Уродливая или смешная внешность помощного животного, сам комизм кота как наследного имущества в плане поэтики составляют прямую проекцию уродства, комизма и физической ущербности «иронического удачника», «грязнозадого» запечника на его окружение.

Несомненно, сказки о Золушке и других гонимых падчерицах составляют яркую параллель к архаическим сказкам о гонимом младшем сыне. Видимо, мотив гонимой падчерицы несколько древнее¹.

Для сказок о мачехе и падчерице характерна помощь героине не со стороны тотемного животного или покойного отца (отец в сказке никогда не помогает своей дочери и покорно, хотя и с сокрушенным сердцем выполняет злую волю мачехи), а со стороны духа покойной матери.

Этот дух может принимать вид куколки, как в русской сказке «Василиса Премудрая» (АТ 480*), но чаще выступает в превращенной форме растения или птицы.

Для народов Европы и Азии, у которых огромное значение матриархата в прошлом не подвергается сомнению, более архаическим является мотив покровительства покойной матери. Одновременно она была и духом домашнего очага. «Не случайно, — говорит академик А. П. Окладников, — женские статуэтки в палеолите нередко находятся около очага, а в этнографии дух — хозяин очага — имеет женский облик»².

Многочисленные пережитки культа матери в форме очага сохранялись в историческую эпоху, например, в ~~доисторическую~~ древнем Лациуме: «Политическим и религиозным центром каждой общины был неугасимый огонь царского очага, попечение о котором было делом девственниц-весталок из царского рода»³. Культ Весты в Риме был очень архаичным, никаких изображений богини не существовало; ей поклонялись как самому неугасимому огню. Веста и была огнем очага.

В палеолите сохранение огня было функцией женщины. Поэтому и огонь в эпоху матриархата (а иногда, как видно, и в более позднюю эпоху) мыслился существом женского рода; в Средние века духом огня считалась саламандра. У многих народов-огнепоклонников жрицами вечного огня были только женщины. Но дело не ограничивается культом огня.

¹ [текст сноски в рукописи отсутствует].

² Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967, с. 80.

³ Фрэзер, Дж. Золотая ветвь. М., 1980, с. 177.

Первоначально только женщины выполняли все жреческие и гадательные функции. Пережитки этой всемирной стадии по сей день сохраняются во всем мире. Невозможно перечислить всех ведьм, колдуний, иудейских пророцц, античный пифий и сивилл, современных гадалок и т. п. У такого патриархального народа, каким были древние евреи, женское шаманство было гораздо старше мужского жречества, и следов этого в Библии немало, например, образ великой пророчицы Деборы. Аэндорская волшебница по просьбе царя Саула вызвала дух пророка Самуила, и тот предсказал царю поражение в предстоящей битве⁴. Как это некромантическое «действие» совершалось на практике, мы видели воочию в японском кинофильме «Расёмон» (режиссер Акиро Куросава), где чревоушательница закликает дух убитого самурая и, говоря его голосом, повествует историю его гибели. Эти волшебницы служили связующим звеном между миром живых и миром мёртвых, ибо к хранительнице очага благоволят души предков.

Видимо, женщины совершали и первые жертвоприношения — ещё коллективные и недостаточно ритуализованные. Их отголоском были греческие дионисии, на которых менады (вакханки) в священном безумии разрывали руками живого быка и поедали его горячее, сырое мясо. Многочисленные мифы об убийствах менадами мужчин отражают человеческие жертвоприношения эпохи матриархата: в жертву приносились только мальчики и мужчины, но женщины — никогда. Гораздо позднее мужчины взяли реванш, но жертвоприношения девушек мыслились как их выдача замуж за тотемного божество.

Хранительницы огня в палеолите пользовались возрастающей помощью юных девушек, своих младших дочерей; жреческие и гадательные функции со временем оказались монополизированы в основном опытными, старыми женщинами. Главную роль в аграрных культах играли женщины-матери, гадалками стали старухи, а жрицами огня — юные девственницы. Римские весталки были окружены необычайным почётом. Зато их тридцатилетний срок служения был сопряжён с ~~необычайным целомудр~~⁴ ~~нем~~ необычайно строгим половым воздержанием; согрешившую весталку зарывали живой в землю. Таким образом, в женском жречестве эпохи матриархата функционально разделились три возрастных группы: девственницы (огонь и охота), матери (плодородие и земля), старухи (ночь, волшебство и смерть). Две старших группы были относительно близки друг к другу, функции их переплетались. От

⁴ [Текст сноски в рукописи отсутствует].

них очень резко отделялась младшая группа — девушки, строго охранявшие свое целомудрие. Об этом свидетельствуют многочисленные мифы и сказки, в которых целомудренные юные героини убивают женихов, не сумевших выполнить брачные условия. Эти сюжеты отражают доисторическую реальность: право девушек убивать мужчин при попытке похищения или насилия со стороны последних. ~~Оно~~ Это право возникло еще в раннематриархальную эпоху, когда дислокальное проживание супругов и сезонность групповых браков строго ограничивали половую связь во времени (весна) и пространстве (специальные рощи, берега рек и т. д.).

Все дети, ещё не прошедшие инициаций, жили тогда с матерями, помогая им, разделяя их общественные и хозяйственные заботы. Девочки оставались в материнском роду; выходя замуж, они только на короткое время (после весеннего сева) сходились с мужьями; в развитом матриархате мужья приходили в род жены. В материнском роду всегда было известное количество мальчиков. Вплоть до середины нашего века у папуасов Новой Гвинеи мальчики, ещё не прошедшие инициаций, спали в «женском доме»; переходом служила жизнь в домах для инициаций; пройдя инициации, мальчик превращался в молодого воина, переходил в совершенно иной мир. Но больные, слабые, увечные мальчики, которые заведомо не могли или не умели пройти инициации, оставались в материнском роду, выполняли женские работы* и не имели никакой надежды на брак. На них в очень широких пределах распространялось понятие женственности.

Ярким отражением этой культурной стадии является образ юного Ахилла, скрытого его матерью Фетидой на острове Скирос среди дочерей Ликомеда. Ахилл был переодет девочкой. Судя по этому классическому мифу, его нельзя было отличить от скиросских царевен (хотя одну из них он успел сделать матерью). В ту эпоху, к которой восходит этот миф, мальчики и девочки носили одинаковую одежду, обычно именно ту, которую продолжали носить девушки и после своих инициаций. Это никого не удивит, если вспомнить, что вплоть до нашего века в Европе, преимущественно в буржуазных, мещанских кругах, маленьких мальчиков заставляли носить платья девочек. Ещё в глубокой древности из этого неразличения половой символики одежды родился культовый травестиизм.

Речь идёт о том, что больные или увечные мальчики, не прошедшие инициаций, оставались при матерях; вырастая, они как бы не становились

* Описка. Было «женскую работы».

мужчинами, а сохраняли одежды девушек и по-прежнему помогали в женских работах, в том числе и в поддержании неугасимого огня очага. Эти несчастные существа «третьего пола» и стали первыми жрецами-неженщинами.

Такой гигантский исторический переворот, каким был переход от матриархата к патриархату, не мог совершиться за короткое время: он тянулся тысячи лет, и фиксированная история ещё застал в разных концах земли разные стадии этого процесса. Переходом от женского жречества к мужскому послужил длительный период времени, когда ранние жрецы из мужчин традиционно симулировали женственность. Это было неизбежно и необходимо, поскольку главными в пантеоне переходной эпохи оставались женские божества огня и земли. Богине очага и огню, сильнейшему средству очищения, служили целомудренные, «чистые» девушки; культ земли, напротив, породил иеропорнию (святоблудие).

II.

Враждебные отношения между материнским родом и мужьями, вражда полов в матриархальную эпоху, нашли широчайшее отражение в мифологии и фольклоре.

Греческий миф об амазонках отражает картину раннего матриархата: независимое существование женского рода, дислокальность проживания супругов, ограниченность брачных встреч и вооружённая борьба против каких бы то ни было попыток навязать женскому роду более тесные контакты с мужчинами. Понятие «страх перед кастрацией», созданное З. Фрейдом, имеет реальную основу; только объяснение этого древнего феномена психики у Фрейда абсолютно несостоятельно. Не мифическое любовное соперничество сыновей с патриархом (явление в любом случае позднее и частного характера), а вражда полов в раннем матриархате — вот что явилось истоком «страха перед кастрацией». Ибо в этой борьбе полов обычай убийства взятых женщинами в плен насильников был постепенно заменён кастрацией пленников.

По всей видимости, кастрация изобретена человечеством вместе с приручением животных и началом скотоводства. Люди рано поняли неудобством содержания излишних производителей и узнали, как хорошо откармливаются холощёные животные. Древние египтяне, иудеи и греки уже знали несколько способов кастрации животных. По-видимому, одновременно с

этим или немного позже появился обычай кастрации пленников. И впервые он был применён женским родом в борьбе против мужского.

В дальнейшем кастрация приобрела довольно широкие размеры в культовых целях при переходе от матриархата к патриархату. Культ богинь-матерей, богинь плодородия, тысячи лет осуществлялся женщинами и был строжайше табуирован для мужчин. Однако в эпоху патриархата женщины постепенно вытесняются из этих культов или, по крайней мере, уступают мужчинам часть культовых функций; одновременно образ божественного супруга начинает развиваться в материнском мифе.

У самых разных народов этот образ отличается поразительно яркой общей чертой — страдальческим ореолом, жертвенностью и, как мы теперь говорим, «женственной» пассивностью. Только в ту эпоху это были типично мужские черты: всякая инициатива, социальная и половая исходила от женщины; девушки выбирали себе мужей, а молодые люди пассивно ждали выбора; муж ранней семье занимал подчинённое место.

Вспомним для примера шумерский миф о нисхождении в преисподнюю богини Инанны (Иштар). Она не могла вернуться на землю иначе, как по законам преисподней, т. е. оставив кого-то под землёй вместо себя. Инанна предаёт своего мужа — пастуха Думузи*, и демоны подземного мира хватают его и разрывают на части. В итоге Думузи проводит половину года на земле, а половину — под землёй, как в греческом (стадиально позднейшем) мифе похищенная Аидом Персефона. «Таким образом, шумерский бог Думузи оказывается убиваемым и воскресающим божеством, хотя, может быть, не столь ярко выраженного характера, как Осирис и малоазийские божества»⁵.

[Обрыв рукописи. В авторской нумерации — пропуск страницы 8. Дальше следует лист, помеченный цифрой 9, отчасти дублирующий, но в целом продолжающий статью. Ввиду того, что установить хронологию рукописных фрагментов невозможно, мы сочли необходимым представить их полностью в том порядке, в каком они хранились в архивной папке]

Для сказок о мачехе и падчерице характерна помощь не тотемного животного или отца, а духа покойной матери (иногда в виде куколки — см. «Василиса Премудрая»). Тут получается очень интересная параллель с

* Так в рукописи. В современной традиции принято: Думмузи.

⁵ Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979, с. 81.

палеолитическим наследованием, всё ещё сохраняющимся у некоторых культурно-отсталых ~~примитивных~~ народов: так, у современных бушменов небольшая личная собственность отца (орудия охоты) передаётся по наследству его сыновьям, а домашняя утварь, собственность матери, — дочерям. Аналогично раздельнополому наследованию, дух отца в сказках покровительствует младшему сыну, а дух матери — её дочери, гонимой падчерице.

Но для народов Европы и Азии, у которых огромная важность матриархата в каменном веке не подвергается сомнению, более архаическим и более важным в истории изучаемой нами фольклорно-этнографической традиции является мотив покровительства матери. Наряду с нею, покровительство герою частью оказывало женское тотемное божество — огнедышащая кобылица, дарившая ему своего самого невзрачного, но чудесного «сына», горбунка или тулпара. И покровительство матери герою, и покровительство огнедышащей кобылицы вновь приближает нас к культу огня. «Не случайно, — говорит академик А. П. Окладников, — женские статуэтки в палеолите нередко находятся около очага, а в этнографии дух — хозяин очага — имеет женский облик»⁶.

В палеолите, как известно, сохранение огня было функцией женщины. Все дети, ещё не прошедшие инициаций, жили с матерью, помогали ей, разделяли её общественные и хозяйственные заботы. У папуасов Новой Гвинеи мальчики до инициаций ночевали в «женском доме» до середины нашего века. Первоначально только женщины выполняли жреческие и гадательные функции. Пережитки этой стадии сохранялись и по сей день сохраняются у огромного числа разных народов земли: нет надобности перечислять всех ведьм и колдуний, иудейских пророчиц, античных пифий и сивилл. В Библии аэндорская волшебница по просьбе царя Саула вызвала дух пророка Самуила, и тот предсказал ему поражение; как это некромантическое действо могло совершаться в древности, мы можем хотя бы отчасти представить по японскому кинофильму «Расёмон» (режиссёр Акиро Куросава), где колдунья-чрево вещательница вызывает дух убитого самурая и, говоря его голосом, излагает историю его гибели. В древности жрицы не только предсказывали будущее и заклинали предков, но и совершали на грубых алтарях первых богов кровавые жертвоприношения. Пережитком этого женского жречества были

⁶ [в рукописи номер сноски — 11; в публикации мы для удобства чтения предусмотрели сквозную нумерацию сносок]. Окладников А. П. Утро искусства. Л., 1967, с. 80.

греческие дионисии, на которых мэнады (вакханки) в священном безумии разрывали и поедали живого быка.

Такой великий исторический переворот, каким был переход от матриархата к патриархату, не мог совершиться мгновенно. Он тянулся тысячи лет; все связанные с матриархатом институты изменялись столь же медленно и постепенно. Переходом от женского жречества к мужскому послужила огромная эпоха, во время которой первые мужчины-жрецы симулировали женственность.

Возможно также, что первыми жрецами мужского пола были люди с физическими недостатками, делавшими их не способными к войне, охоте или даже к продолжению рода. Прошли долгие века, прежде чем в безумной жажде святости «~~трансцендентности~~» мужчины дошли до самооскопления, ~~ведущего к святости~~. У скифов жрецами были энарреи, т. е. евнухоидные мужчины, лишившиеся потентности вследствие врождённых физических недостатков или повреждений, полученных в детстве (например, в результате слишком долгой верховой езды). Жрецами Кибэлы*, а также некоторых других оргиастических культов древнего Востока были кастраты, причём посвящаемые сами оскопляли себя во время диких «музыкальных радений»; как правило, такое самооскопление было характерно именно для культов великих богинь плодородия. Это не было «жертвоприношением мужской силы», а имитацией драмы мифологического возлюбленного богини, оскопленного диким зверем на охоте или злым братом. Сам же миф этого типа восходил к неолиту, когда жрецы-мужчины притворялись женщинами.

Отголоском той эпохи является греческий миф о великом прорицателе Тиресии, играющем столь важную роль в судьбах Одиссея и Эдипа. Согласно мифу, Тиресий однажды убил двух свившихся змей и тотчас превратился в женщину; в течение нескольких лет он был женщиной, а затем вновь стал мужчиной. Всемирность этого мотива подтверждается сегодняшними мифами папуасов. Так, в тотемном мифе клана нимборан, считавшего своим предком солнце (т. е. человека, ставшего солнцем), повествуется о чудесном рождении этого предка, Ваи, из крови его отца. У отца Ваи были женские груди, и он выкормил сына. Цитируя этот миф, Б. Н. Путилов особо подчёркивает характеристику семьи: «дислокальный брак, рождение героя из крови отца, женские качества в образе отца» — и т. п.⁷ Обычному человеку не

* Так в рукописи.

приписывались такие качества: женоподобный человек — это избранник богов, щедро вознаградивших его за физическую ущербность.

Видимо, более распространённой формой достижения женоподобия была не кастрация, а культурный трансвестизм, т. е. переодевание мужчин в женскую одежду, постоянное ношение женских одежд. Ещё в XX веке сибирский шаман, если у него не было под рукой его специального наряда, переодевался для камлания в женскую одежду. Отражение культурного трансвестизма мы усматриваем в классическом мифе об Ахилле. Фетида, зная судьбу, предсказанную Ахиллу, спрятала его на острове Скирос, среди дочерей Ликомеда, причём Ахилл был переодет девочкой. Судя по мифам, внешне его нельзя было отличить от скиросских царевен (хотя одну из них он при этом успел сделать матерью). Разумеется, у великого скептика Гомера не осталось ничего от исходного смысла этого мифологического мотива. В палеолите причиной такой трансвестии мальчика было стремление к тому, чтобы женское божество огня (покровительница материнского рода) приняло мальчика за девочку.

Героиня патриархальной эпохи надевает мужские доспехи и с мечом в руках поднимает народ на борьбу за освобождение Франции, тем самым навлекая на себя обвинение в союзе с дьяволом. Герои позднего матриархата надевали женское платье, подражали женским голосам и порою даже женской сексуальности, чтобы получить доступ к священному очагу и жертвеннику богини.

Первыми жрецами из мужчин были слабые и больные, а также младшие сыновья. Они были не просто психологически, а «социально-экономически» ближе к матерям, огню и духам предков. Старшая женщина, глава материнского рода, была жрицей огня; в силу матрилокального брака сыновья уходили в роды их жён, а с матерью оставался больной последыш. Даже простая симуляция женоподобия требовала от него безбрачия. Болезнь же считалась священной приметой избранности к жреческому служению. Величайшими жрецами были эпилептики, падучая у римлян называлась *morbus sacer* (священная болезнь)*, и эпилептик Магомет основал великую мировую религию. Если же от природы жрец был здоровым, то он специально обучался

⁷ [в рукописи номер сноски — 12] Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. М., 1980, с. 18.

* На поле слева запись: «недержание мочи!»

технике доведения себя до эпилептического припадка: этой цели служили и растительные яды, и дикие пляски (камлание), и верчение нака месте, и мн. др.

Измазанный в золе мальчик, последыш и помощник жрицы, стал первым жрецом мужского пола. Но, видимо, в эпоху распада матриархата женоподобие молодого жреца стало лишь временным, и период его посвящения богине начал закономерно сменяться периодом мужества и частной жизни, причём именно пройденное жреческое служение составляло основу его преимущества перед старшими братьями. Младший брат наследовал матери, и с этого начался минорат. Затем он осложнился необходимостью инициации.

В бесчисленных разнообразных сказках о младших детях есть четыре обязательных элемента:

1) Герой обязательно грязен, неряшлив, соплив или даже болен; Иванушка-дурачок сидит на печи в углу и всё сморкается, «платьишко на нём худое, весь в саже, волосы дыбом» (Афанасьев 179); Илья-Муромец тридцать лет сиднем сидит на печи, не может ходить; Биктимер, младший брат из башкирской сказки «Золотая утюжка птичка», болен паршой⁸.

2) Герою помогают чудесные животные (в тюркских сказках крылатый конь, в русских — конь и щука и т. д.), духи предков, а в западно-европейских сказках — феи или святые.

3) Центральным мотивом сказки становится преобразование «грязного лентяя» в красавца, в могучего и умного витязя, чему как правило сопутствует его переодевание в подобающую одежду (сказочный символ выхода из жреческой травестийности); часто это преобразование носит магический характер (пролезание сквозь уши Сивки-Бурки как реликт инициации, мотивов движения в которой было скольжение, пролезание сквозь узкое).

4) Сюжет всегда завершается браком преобразённого героя с царевной, что символически означает и успешное завершение инициаций, и торжество миноратного принципа над правом первородства и старшинства; однако торжество это осмысливается как личная заслуга младшего, результат его верности предкам, духу матери, огню и золе, т. е. минорат в сказке побеждает окольным путём, не отменяя права первородства.

Подвиги «запечника», его победы в конных и иных состязаниях, при всей их важности в ряде сказочных сюжетов, всё же для сказки не являются обязательными: возможна и даже более типична (в смысле архаической чистоты сюжета) ироническая победа до конца не поколебленной лени, победа

⁸ [в рукописи номер сноски — 13] Башкорт халык ижады. Т. 2, Офо, 1959, № 18.

только «по щучьему хотению». Напротив, для эпоса подвиги бывшего запечника, младшего брата не только необходимы, но и составляют главное содержание, вытесняя детали внутрисемейного конфликта (Гэсэр, Ахилл, Илья-Муромец).

IV.

Ярким примером, отразившим борьбу майората с миноратом, служит ветхозаветное предание о двух братьях-близнецах, сыновьях патриарха Исаака. Оно связано с известной традицией «дуальных мифов» о вражде двух братьев-родоначальников (ср. Ромул и Рем), но рассматривается здесь в другом аспекте, интересующем нас по преимуществу: в аспекте фольклорного «превосходства младшего брата».

Первым из близнецов родился Исав, вторым — Иаков. По праву первородства Исаву надлежало наследовать власть патриарха и основное имущество (майорат). Исав вырос могучим и ловким охотником, «человеком полей»; тело его было покрыто волосами. Исаак любил Исаву, чья охотничья добыча составляла любимую пищу Исаака, но мать близнецов Ревекка предпочитала младшего — Иакова, который был нрава спокойного и жил в доме.

Однажды Исав пришёл с поля голодный, в то время как Иаков варил чечевичную похлёбку. Исав попросил у Иакова еды, а младший брат предложил Исаву продать право первородства. Исав был так голоден, что согласился, и по требованию Иакова поклялся в том, что уступает своё право. Иаков дал ему хлеба и «красную» (чечевичную) похлёбку, и волосатый охотник насытился.

Когда Исаак состарился и ослеп, он в предчувствии смерти послал Исаву на охоту, чтобы из дичи ему сварили любимой еды: он поест и передаст Исаву свою власть вместе с отцовским благословением. Пока Исав охотился, Ревекка организовала свою знаменитую хитрость: по её приказу, Иаков пошёл в стадо, поймал двух лучших козлят, и Ревекка сварила их. Прежде чем идти с этой едой к отцу, Иаков по приказу матери оделся в одежду Исаву, а руки и шею его мать обернула шкурами ~~кожами~~ этих козлят. Удивлённый тем, что Исав так скоро вернулся с охоты, старый отец ощупал его и признал: «Голос Иакова, а руки Исаву». Иаков назвался Исавом-первенцем, и обманутый слепец поцеловал и благословил его и его будущее потомство. Когда же прибыл

Исав, обман разъяснился, но было поздно: благословение первородства было на Иакове. От него пошло иудейской племя, а от Исава — эдомитяне (Эдом, «красный» — это прозвище Исава). Так рассказано в 27-й главе Бытия.

В этом предании обращает на себя внимание то, что одной сделки между братьями недостаточно. Исаав за чечевичную похлебку продал младшему брату право первородства, но эта уступка ничего не значила без магического обряда — предсмертного благословения отца. И это благословение получено обманом, в котором главную роль играет Ревекка: мать покровительствует младшему сыну. Связь минората с матриархальным принципом и борьба минората против майората выступают здесь в обнажённо-наглядном виде.

Рассказ о нерасчётливой сделке Исава и о хитрости Ревекки служит «сказочным» оправданием того, что патриарху Исааку наследовал не старший, а младший сын. Можно предполагать, что создатели книги Бытия располагали древними «генеалогическими» записями, авторитет которых был так велик, что в них нельзя было изменить ни слова, и в которых точно указывался сам факт миноратного наследования по смерти Исаака. В иудейском обществе царил суровый патриархат, минорат исчез полностью, и нужно было объяснение донесённого из глубокой пастушеской древности исторического факта. Для объяснения создатели Библии воспользовались народными легендами, из которых вторая (о хитрости Ревекки) также имеет весьма древнее происхождение и отражает предпочтительную склонность матери к младшему сыну, а также момент *травестизма* (козьи шкуры). Возможно, не лишено значения и упоминание в первом рассказе о том, что Иаков варил похлёбку. Мы воочию видим контраст между могучим охотником — красным, обветренным, волосатым, с грубыми инстинктами и буйными страстями (он хотел убить младшего брата после смерти отца), и мирным, лукавым младшим братом, который жил под крылышком матери, помогая ей вести домашнее хозяйство и готовить пищу. Симпатии повествователей — на стороне младшего сына, ибо скотоводы уже были противниками охотников, но сознательно и явно повествователи поддерживают майоратный принцип наследования: из этого противоречия возникает необходимость процитированного выше объяснительного рассказа.

Сам же Иаков из всех своих многочисленных детей более всего любил последнего — Вениамина (древнееврейское Бен-Ямин означало «сын моей правой руки»). Вениамин и Иосиф были сыновьями Иакова от его второй, любимой жены, которая умерла, родив Вениамина. Иосифа особенно

ненавидели старшие братья, продавшие его в рабство; эпизод, когда они относят к Иакову одежду Иосифа и говорят, что его сожрал лев, живо напоминает сходные эпизоды в аналогичных сказочных сюжетах о вражде старших братьев к младшему. Вся история Иосифа Премудрого, ставшего в Египте министром фараона, отражает борьбу между миноратом и майоратом.

Таким образом, уже в эпоху создания Ветхого Завета понадобились развитые фольклорные «объяснения» того превосходства младших сыновей, которое сохранялось ещё в народной памяти, но уже противоречило господствующему майорату. Младшие сыновья физически слабее старших, но превосходят их умом, красотой и удачливостью; поэтому они побеждают злобу старших и возносятся выше их. В рассказе об украденном благословении слепого Исаака явственно выступает покровительство матери младшему сыну.

Но архаические традиции всегда переосмысляются последующими культурными стадиями: прежнее содержание становится формой, в которой развивается новое содержание. Культовое превосходство младшего сына становится в фольклоре его личным превосходством, которым в эпоху победившего майората объясняется торжество «запечника» над его старшими братьями. А в дальнейшем это личное превосходство становится аргументом в защиту униженного, «грязного лентяя»: различные культурно-исторические пласты спрессовываются в единый и законченный сказочный сюжет.

На славянские сказки о младшем сыне повлияло расселение племён при подсечно-огневом земледелии, распад древнеславянской «большой семьи»; социальное содержание восточнославянских сказок о «запечнике» — это борьба при переходе от минората к раздельному наследованию, с которым в народный быт вошли имущественные распри и ограбление младших, т. е. ранние формы социальной несправедливости.

Но и в этих сказках прослеживаются следы матриархата и пережитки особого положения младшего сына в эпоху перехода от женского жречества к мужскому.

<Заметки и дополнения к статье>

1. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-2.

Зола — древнее лекарство от глазных болезней.

О леммингах.
О крысах.
Стиль плохой.
Крысолов (музыкальность крыс)*.

2. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-11.

Женоподобие шамана и жреца

Не просто младшие — болезненные, не способные к браку оставались при матерях.

Гермафродиты. Кастрация. Евнухи.

Моя тетрадь «Русские сказки» с. 8 (Мелет<инский>)

Феномен гермафродитизма лёг в основу греч<еских> мифов об андрогинии (см. Платон, «Пир»).

А. Н. Веселовский. Croissance — Crescens и средневековые легенды о половой метаморфозе. СПб., 1881.

Древне<ие> египтяне, израильтяне и греки уже знали неск<оль>ко методов кастрации животных. Евнухи занимали высокое положение при дворах фараонов.

! Ср. сказку «Геб» с одной деталью егип<етского> мифа о Хоре и Сэте*.

3. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-12.

«Инициации девушек не занимали существ<енного> места в обществ<енной> жизни древних хотя бы уже потому, что переход от девочки к женщине-хозяйке происходил более спокойно и закономерно; девочки, воспитывавшиеся в женск<ом> общ<ест>ве, постепенно вливались в это общ<ест>во. Мальчики же, также воспитывавшиеся женщинами, должны были, подрастая, совершить более резкий и сложный переход; социальный разрыв между мальчиком и взрослым мужчиной гораздо более ощутим, чем между девочкой и женщиной».

* Видимо, в этой заметке к публикуемой статье относится только первая строка — не пришедшее в полном тексте мнемоническая заметка о связи болезни и золы. Остальное явно относится к комментарию средневекового мифа о Крысолове из Гаммельна, вошедшему в итоге в книгу «Становление мифов и их историческая жизнь» (глава «Мифотворчество христианской Европы»).

** Так в рукописи.

(В. К. Афанасьева. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979, с. 106 — сноска).

Мальчики, не прошедшие инициации, рассматривались воинами как женоподобные. К ним и относились в сексуальн<ом> плане как к девушкам или женщинам. Больные не могли проходить инициаций: из них рекрутировались пассивные гомосексуалисты и шаманы.

1) Культовый травестизм, 2) евнухоидизм и самооскопления, 3) эпилепсия и самовозбуждение (приведение себя в состояние пассивного медиумизма), 4) пассивный гомосексуализм.

4. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-13.

Золотая страничка!

Главное открытие!

Почему именно эпилептики — лучшие шаманы? Потому что эпилептич<еский> припадок с его ритмич<ескими> судорогами и выгибаниями древние понимали как половой акт с невидимым партнёром, с духом, бож<ест>вом, тотемным животным. Эпилептики были первые жрицы. Остальные потом научились или симулировать эпилепсию, или вызывать эпилептоидные кризы искусственными средствами.

Отсюда — великая традиция прославления эпилептиков вплоть до кн<язя> Мышкина.

Мужчина-эпилептик тоже рассматривался как священный объект любви бога-духа, как женоподобн<ый> мужчина, как андрогин.

Гермафродитизм — тоже одно из проявлений андрогинии. Соединение мужских и женских признаков рассматривалось как избранничество, как предрасположенность к общению с богом.

И Сиротка, и Младший брат, и Золушка — поздние, смыслолишённые формы (метафоры) первоисходного «священного Больного».

5. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-14

Женоподобие шамана и жреца*

Идея андрогинии (двуполости) окрашивает мифы о двойственной половой природе первосущего; возможно, на становление идеи андрогинии

* Возможно отрывок представляет собой вариант начала статьи.

повлияли биологические наблюдения первоб<ытного> ч<елове>ка, его знакомство с двудомными и однодомными растениями. Однодомные растения — это такие, у которых на одной особи растут и пестичные, и тычиночные цветы: берёза, орешник и др. С точки зрения первоб<ытного> ч<елове>ка, такое растение оплодотворяет само себя.

См. Зурван в синей книжке о мифологиях, с. 357-358.

У высших млекопитающих андрогиния (гермафродитизм) встречается редко, как биологическая аномалия. Однако даже редкие случаи андрогинии, равно как евнухоидность мужчин, интерсексуальная конституция среди женщин и т. д., давали пищу мифотворческой фантазии. Мифы разных народов сохранили образ двуполого первопредка, к<отор>ый оплодотворял сам себя и рожал потомство. Реликтами этого архаичного представления впоследствии были образы андрогинов в платоновском диалоге «Пир».

При переходе от матриархата к патриархату возникла др<уга>я знаменитая мифологема — брак Неба и Земли. Первоначально он мыслился как непрерывный половой акт; Небо лежало на Земле, и детям Земли не было места для жизни. Иными словами, все зачатые и выношенные Землею плоды этого брака оставались во чреве матери, наглухо закрытом ввиду непрерывности самого сочетания. Актом освобождения первых богов или актом создания свободного пространства было разделение Неба и Земли путём кастрации отца: божественный сын вечных супругов, откусив половой орган отца, открывает себе путь из чрева матери и в то же время разделяет своих родителей. Эта мифологема не имела социокультурного эквивалента, и сказка З. Фрейда о первобытной орде и убийстве отца ничего не проясняет в генезисе древнейших мирообъяснительных мифов.

Из мифов о разделении Неба и Земли обычно вытекает необходимое следствие: бог Неба есть увечный бог.

Позволительно думать, что мифы об оскропённых богах возникли не ранее, чем в хозяйственной жизни людей стала применяться кастрация быков. Видимо, этот приём не характерен для скотоводства самого по себе; кастрация быков в производственных целях применялась землепашцами, к<ото>рые и развили культ Неба и Земли.

Исторически самооскопление жрецов было способом перехода от женского шаманства к мужскому жречеству, однако в понимании самих людей раннепатриархальной эпохи кастрация жрецов служила целям уподобления их

божеству: увечному Небу или женственной Земле — Великой Матери богов и людей.

6. АРГН, оп. 4, д. 7а, л. 7а-23.

Дополнения

Идея андрогинии окрашивает мифы о двойственной половой природе первосущего (брак Неба и Земли). Зурван в синей книге о мифологиях 357-358. Идея возникла в перех<одный> период от матриарх<ата> к п<атриарха>ту, когда стала осознаваться необх<одимо>сть мужа для зачатия. Или поздний матриархат. Андрогиния окрашена биологич<ескими> наблюдениями первоб<ытного> ч<елове>ка — двудомные растения.

Реликт — платоновский андрогин в диалоге «Пир».

Однодомные растения — на одной особи и пестичные, и тычиночные цветы (берёза, орешник и др.).